

На правах рукописи

ОСИПОВА Ольга Владимировна

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЕДУЩИХ
РОССИЙСКИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ КОНЦА XIX –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКОВ

10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тверь – 2007

Работа выполнена на кафедре французской филологии ГОУ ВПО «Тверской государственной университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Н.П. Анисимова

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Н.Ф. Крюкова

кандидат филологических наук, доцент
Е.Н. Синкевич

Ведущая организация: Мурманский государственный
педагогический университет

Защита состоится «__» _____ 2007 года в __ час. __ мин. на заседании диссертационного совета Д 212.263.03 в Тверском государственном университете по адресу: Россия, 170000, г. Тверь, ул. Желябова, 33, зал заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Тверского государственного университета по адресу: г. Тверь, ул. Володарского, 42.

Автореферат разослан «__» _____ 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 212.263.03
кандидат филологических наук, доцент

В.Н. Маскадыня

Реферируемое диссертационное исследование посвящено изучению особенностей российской лингвистической традиции, а именно анализу ведущих российских лингвистических теорий конца XIX-начала XX веков, а также особенностям смены научных парадигм в отечественной лингвистике.

Актуальность данного исследования объясняется тем фактом, что существующие подходы к лингвистическим проблемам и их эволюции обходили стороной роль российской лингвистической традиции в мировой лингвистике и не исследовали ее в эпистемологическом ключе, в то время как комплексный историко-эпистемологический подход к становлению российской национальной традиции позволяет сделать вывод об отличительных характеристиках как отдельных теорий, так и национальной лингвистической традиции в целом. Особенностью российской национальной традиции является то, что она представляет собой редкий случай сохранения своей самобытности, и в то же время оказывается недостаточно исследована с позиций эпистемологии лингвистики.

Неоспоримым остается тот факт, что в отечественной лингвистической традиции практически отсутствуют специальные систематические исследования в области историко-эпистемологического описания лингвистических теорий. Н.Ю. Бокадорова в связи с этим отмечает: «... до 70-х годов XX в. история наук о языке была лишь областью “набегов” отдельных авторов, которые выражали интересы определенных (зачастую ими самими созданных) течений в языкознании (как, например, “Картезианская лингвистика” Н. Хомского)» [Бокадорова 1991: 556]. Кроме того, «для советской историографии науки о языке на все это накладываются еще и проблемы “марксизма в языкознании” и соответствующий взгляд на историю науки, что усложняет и без того запутанную картину» [ibid]. За последнее время в связи с освобождением лингвистической науки от идеологического давления ситуация, однако, не претерпела значительных изменений, хотя следует констатировать все усиливающийся интерес лингвистов к осознанию истории и эпистемологического статуса науки о языке.

Объектом данного исследования является развитие российской лингвистической науки в контексте общемировой лингвистики.

Предметом исследования являются особенности развития российских лингвистических теорий конца XIX – первой половины XX веков.

Цель работы составляет выявление особенностей эволюции отечественной лингвистической науки с позиций эпистемологии лингвистики. Признавая, что описание и анализ эволюции российской лингвистической традиции в целом является слишком глобальной целью, мы ограничиваем поле нашего исследования наиболее значимыми

направлениями и теориями, которые позволяют определить специфику российских лингвистических изысканий.

Поставленная цель предполагает решение следующих *задач*:

1) соблюдая принцип последовательного диахронического описания лингвистических теорий, провести их анализ на базе разработанной Н.П. Анисимовой системы эпистемологических координат;

2) предпринять сравнительный анализ полученных результатов, на основе которых дать общую характеристику российской лингвистической традиции;

3) принимая во внимание идеологическую обстановку в нашей стране после революции 1917 года, изучить влияние идеологического фактора на развитие лингвистики как самостоятельной науки;

4) определить специфику эволюции российских лингвистических учений к середине XX века и вклад российских лингвистов в развитие мировой лингвистической мысли.

Материалом для исследования избираются как непосредственное содержание ряда отечественных лингвистических теорий, так и работы аналитического характера, касающиеся анализа данных теорий и эпистемологии лингвистики.

В соответствии с целью и задачами работы *методами* исследования послужили описательный метод, теоретический и сопоставительный анализ, обобщение теоретических данных.

Теоретическим основанием для настоящего диссертационного исследования послужили работы отечественных и зарубежных лингвистов, имеющие своей целью определение места российской лингвистики в мировой науке, а также посвященные вопросам методологии российской науки о языке [Алпатов 1995, 2003; Ахманова, Александрова 1980; Будагов 1981, 1983; Булахов 1977; Васильев 1990; Виноградов 1947; Виноградов, Серебренников 1956; Данилевский 1991; Звегинцев 1989; Иваницкий 1987; Мельничук 1998; Мельников, Преображенский 1989; Нерознак, Базылев 2001; Степанов 1975; Федорищев 1988; Филин 1977; Шубняков, Колоколова 1987; Genty 1977; Sauvageot 1935; Vaillant 1937].

На защиту выносятся следующие теоретические положения:

- на протяжении XIX века традиционные центры интереса рациональной грамматики дополняются новыми, характерными для сравнительно-исторической парадигмы, что позволяет сделать вывод о тенденции к расширению поля исследований и осуществить постепенный переход к новой научной парадигме;
- на рубеже XX века российская национальная лингвистика следует общему направлению европейского языкознания, т.е. развивается в рамках господствующей в эту эпоху парадигмы – сравнительно-исторического языкознания, по ряду пунктов опережая его, а именно, обогащая его новыми центрами интереса, характерными

для новых парадигм и направлений, получившие свое развитие в XX веке;

- при переходе от сравнительно-исторической парадигмы к структурализму российское языкознание избежало противоречий, характерных для европейской структуралистской модели;
- структурализм в его российском варианте синтезирует основные проблемы диахронической лингвистики в системно-структурный подход;
- идеология в ее крайнем варианте (марризм) стремится подменить собой теоретическую парадигму в лингвистике, навязывая только «разрешенные» ею проблемы и методы, что приводит к искажению естественной эволюции лингвистических исследований;
- несмотря на дестабилизирующий фактор марризма российская советская лингвистика сохранила научную лингвистическую базу, творчески развивая традиции классического российского языкознания;
- концептуальная модель Н.П. Анисимовой, позволившая выявить эпистемологические особенности французской национальной лингвистической традиции, применима к описанию любой лингвистической традиции, в данном случае российской.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые историческое исследование российских лингвистических теорий предпринимается на базе концептуальной модели эпистемологических координат.

Теоретический вклад автора диссертации состоит в представлении российских лингвистических теорий в эпистемологическом ключе, выявлении их своеобразия и влияния на общую эволюцию науки о языке.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его результатов в курсах общего языкознания (в части истории лингвистических теорий) и спецкурсах по данной проблематике.

Апробация результатов исследования проводилась в форме отчетных выступлений на заседаниях кафедры французской филологии Тверского государственного университета, докладах на международной конференции «Функционирование языковых единиц в аспекте национально-культурной специфики» (Москва, 2003), на международной научно-практической конференции «Фундаментальные и прикладные исследования в системе образования (Тамбов, 2004), на межрегиональной научно-практической конференции «Языковой дискурс в социальной практике» (Тверь, 2006).

По теме диссертации опубликовано 8 работ общим объемом 2.3 п.л., из них одна работа опубликована в рецензируемом издании.

Цели и задачи проведенного исследования определили объем и структуру работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы, включающего 236 единиц (из них 16 на иностранных языках).

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются объект и предмет исследования, определяются его цель, задачи, методы.

В *первой главе* диссертации «Методологические обоснования историко-эпистемологического описания лингвистических теорий» представлены основные подходы зарубежных и отечественных исследователей к описанию лингвистических теорий; дано обоснование и описание эпистемологической системы координат, в рамках которой проводится данное исследование.

Современная историография лингвистики осознает свою тесную связь с теорией языка; она персонифицирует теории языка, существовавшие в истории, выделяет традиции, школы и направления в языкознании, дает его периодизацию и выдвигает концепции развития языкознания как науки. Историография лингвистики тесно связана с науковедением и историей науки. Разработка проблем генезиса лингвистической мысли, значения общественных условий для развития знаний о языке, изучение существовавших в разное время взглядов на язык, его природу и происхождение невозможны без обращения к общим проблемам генезиса науки, к роли общественных условий в ее развитии, а также – к вопросам природы и системы научного мировоззрения.

История лингвистических теорий должна разрабатываться на основе науки о лингвистике как самостоятельной области знания – ее эпистемологии. Эпистемология (греч. *episteme* – знание, *logos* – учение) – это философско-методологическая дисциплина, в которой исследуется знание как таковое, его строение, структура, функционирование и развитие.

В большей степени вопросами эпистемологии науки занимались зарубежные ученые. В этом отношении можно привести ряд теорий, разработанных первоначально для точных и экспериментальных наук. Исходной теорией является теория научных революций Т. Куна, разработанная для физики. Она рассматривает научные революции как такие некумулятивные эпизоды развития науки, во время которых старая парадигма замещается целиком или частично новой парадигмой, несовместимой со старой. Научные революции начинаются с возрастания сознания, что «существующая парадигма перестала адекватно функционировать при исследовании того аспекта природы, к которому сама эта парадигма раньше проложила путь» [Кун 1977: 178]. Т. Кун

утверждает, что кумулятивное приобретение новшеств не только редко происходит, но и практически невозможно. Отвечая на вопрос о создании новых теорий, он выделяет три типа явлений, которые может охватить вновь созданная теория:

1) явления, хорошо объяснимые с точки зрения существующих парадигм; они редко составляют причину или отправную точку для создания теории;

2) явления, природа которых указана существующими парадигмами. Это явления, исследованию которых ученый отдает много времени, но его исследования нацелены на разработку существующей парадигмы, а не на создание новой. Когда эти попытки в разработке парадигмы терпят неудачу, ученые переходят к изучению третьего типа явлений;

3) осознанные аномалии, характерной чертой которых является упорное сопротивление объяснению их существующими парадигмами. Парадигмы определяют для всех явлений, исключая аномалии, соответствующее место в теоретических построениях исследовательской области ученого [Op.cit.: 202].

Этот подход, который рассматривается как дисконтинуистский или прерывистый, был проецирован на гуманитарные науки в рамках философской школы Л. Альтюссера и его последователей сначала в виде положений, разработанных для «философского семинара для физиков» (*cours de philosophie pour scientifiques*), где концепт эпистемологического отрыва обогащается понятием «эпистемологического разрыва» (*rupture épistémologique*), понимаемого как результат отрыва, имеющий философскую природу, а также понятиями внутренних идеологических отрывов, предшествующих моменту эпистемологического отрыва, и пересмотру теоретической проблематики, который неизбежен в истории науки. Для Л. Альтюссера концепт эпистемологического разрыва распространяется не только на экспериментальные науки, но на всю историю науки; он рассматривает прерывистость как основную характеристику построения научного знания [Altusser 1965].

В применении к лингвистике как самостоятельной области знания С. Ору предполагает рассматривать революционные изменения лишь в качестве *техники*. Его теория трех техно-лингвистических революций выделяет следующие три этапа:

1. Первая революция произошла с рождением письменности, она предшествует появлению науки о языке, которое можно рассматривать как ее завершение.

2. Вторая революция – это разработка грамматик языков мира на базе единой лингвистической традиции, а именно греко-латинской. Эта революция привнесла глубокие изменения в экологию человеческой коммуникации. Она дала возможность западной лингвистической традиции применить единый теоретический подход ко всем языкам, чего

не существовало ни в одной другой культуре. С одной стороны, эта вторая революция порождает новые эмпирические и теоретические знания и перемещение центра интереса (историческая и сравнительная грамматика), а с другой – она не изменяет теоретической основы грамматики.

3. Третья революция – революция автоматизации естественной коммуникации. Математизация и информатизация также лежат в основе нового перемещения центра интереса к тому, что теперь называется «теоретической лингвистикой» [Augoux 1992; Ору 2000].

В качестве четвертого подхода к историко-эпистемологическому описанию эволюции лингвистических идей Н.П. Анисимова выявляет так называемый «генеалогический» или «библейский» подход, обращаясь к книге А. Эно «История семиотики», где становление семиотической школы А-Ж. Греймаса представлено в виде «порождающей» модели, возводящей основы данной теории к идеям Ф. де Соссюра, Л. Ельмслева, Пражского лингвистического кружка и русских формалистов (В. Пропп «Морфология русской сказки»).

Современная зарубежная историография лингвистики уделяет значительное внимание переосмыслению традиционных взглядов на уже известные источники с различных философских и методологических позиций, но особенно пристальное внимание уделяется разработке общих философских методологических основ историографии лингвистики. На базе такого рода исследований, содержащих различные концептуальные построения в области историко-лингвистического науковедения, в зарубежной историографии лингвистики возник ряд направлений, из которых наиболее распространены так называемые *парадигматическое* (широко распространенное в англоязычных странах и использующее в описании процесса развития науки о языке понятие «парадигма науки», разработанное Т. Куном) и *эпистемологическое*.

Теория исторического развития наук, или «историческая эпистемология», разработанная М. Фуко («Les mots et les choses», 1966 и «Archéologie du savoir», 1969), пытается отразить исторически изменяющиеся структуры мировосприятия, или «призмы видения» природных и социальных процессов, которые, по мнению М. Фуко, определяют возникновение и существование различных в разные исторические эпохи наук, теорий, гипотез. Эти призмы видения он называет «эпистемами». Основным фактором, формирующим и упорядочивающим эпистему, является для М. Фуко соотношение «слов» и «вещей». Момент смены эпистем для него немотивирован и абсолютен, а между эпистемами отсутствует любая преемственность.

В отечественной традиции мы располагаем подробным описанием содержания лингвистических теорий от античности до наших дней [Алпатов 1998; Амирова et al. 1975; Березин 1967, 1979, 1984; Будагов 1988; Виноградов 1978; Звегинцев 1964, 1965; История лингвистических

учений 1980, 1981, 1985, 1991; Кондрашов 1979; Реферовская 1996; Сусов 1999]. Советская историография стремилась подходить к анализу материала с позиций марксистского науковедения. Среди основных аспектов исследования можно выделить следующие:

1) выяснение социальной основы лингвистического познания на каждом этапе его развития (например, обусловленность круга интересов языковедов задачами общественно-языковой практики, связь принципов описания языка в ту или иную эпоху с периодом в развитии языка, история литературных языков);

2) изучение теоретико-методологических принципов, характеризующих различные традиции, направления и школы в языкознании, изучение изменения структуры знания о языке, анализ связей языкознания с философией, социологией, естественно-научными теориями на разных этапах развития науки о языке;

3) исследование внутренней логики развития знаний о языке и проблем прогресса в лингвистическом знании [Бокадорова 1990: 146].

Однако, работы, посвященные анализу эволюции этих теорий в историко-эпистемологическом ключе, немногочисленны.

Если иметь в виду самые общие принципы научного подхода к исследованию языка как особого феномена социальной действительности, то все множество лингвистических концепций, школ и течений, по мнению И.П. Сусова, может быть условно сведено к трем научным парадигмам [Сусов 1985].

Первая из этих парадигм, генетическая (или историческая, эволюционная), объединяет те школы и направления, которые опираются на принцип историзма и рассматривают язык, как и действительность в целом, в его возникновении и развитии, т.е. необратимом, направленном изменении во времени в соответствии с внутренними законами самого языка и условиями его функционирования.

Вторая лингвистическая парадигма, таксономическая (или – в порядке чередования подходов внутри нее – инвентарная, структурная, а затем, с середины XX в., системная, или системно-структурная), собрала под свои знамена тех ученых, для которых наряду с эволюционным аспектом языка существенен аспект организационный, касающийся внутреннего устройства сложного языкового целого (в отвлечении от фактора времени), выявления и группировки языковых единиц, их систематики и классификации, объединения этих единиц в нерасторжимое целое – языковую систему.

Третья исследовательская парадигма в языкознании, – коммуникативная, функциональная (коммуникативно-прагматическая или, просто, прагматическая), оформляющаяся во II половине XX века, опирается на принцип деятельности и провозглашает приоритет факторов, обеспечивающих успешное использование языка субъектом коммуникативной деятельности для достижения своих целей. Этой

парадигме наша наука обязана утверждением фактора человека как субъекта деятельности в самом широком смысле, деятельности общения, коммуникативной и речевой деятельности, более тесным включением в круг человековедческих наук.

Ни эпистемологическая модель Т. Куна, разработанная для экспериментальных наук, ни ее преломление и дальнейшее развитие в теории Л. Альтюссера не подходят для описания эволюции идей в гуманитарных науках, поскольку их природа отличается от научных дисциплин, основывающихся на эксперименте. При анализе эволюции лингвистических идей мы отказываемся как от дисконтинуистского подхода Т. Куна и Л. Альтюссера, так и от ее генеративного толкования по модели Священного писания А. Эно. Принимая позиции умеренного релятивизма, мы предпринимаем анализ фактов лингвистической теории в преломлении концептуальной эпистемологической модели. Мы придерживаемся концепции смены научных парадигм как постепенного накопления проблем, не входящих в круг интересов существующей научной парадигмы. Перемещение на них центра внимания происходит постепенно, усилиями целого ряда исследователей.

В нашем исследовании мы базируемся на концептуальной модели, разработанной Н.П. Анисимовой [Анисимова 2002], поскольку она пытается охватить совокупность лингвистических проблем в динамическом ключе, что позволяет проанализировать каждую теоретическую модель с позиций ее отношения к современной ей научной парадигме (центры интереса и методы), способов «эксплуатации» данной теорией этих центров интереса в плане выбора уровня языковой системы, авторского подхода к исследованию материала.

На одном полюсе данной двухполюсной динамической системы обозначен круг проблем, являющихся общими для науки о языке. Эта проблематика стабильна и виртуальна в том смысле, что она присутствует *in potentia* с тех пор, как появляется языковой феномен. Она представлена в виде «эпистемологической ромашки», в центре которой расположен языковой феномен, а лепестками являются общелингвистические проблемы (происхождение языка, эволюция языка, соотношение язык – мир, язык – мышление, внутренняя организация языка, язык как знаковая система, языковые универсалии, соотношение язык – общество, язык – психология, язык как основное средство коммуникации). Противоположный полюс данной системы представлен конкретной лингвистической теорией и рассматривается как актуализация той или иной проблематики виртуального полюса. Система динамична, поскольку проецирование виртуальной лингвистической проблематики на конкретную лингвистическую теорию производится не напрямую, но через ряд этапов, «эпистемологических призм», которые представляют собой этапы «эпистемологического пробега», необходимого для ориентации

теории по отношению к центрам интереса исследования, его философских обоснований и методов анализа. В направлении от виртуального к актуальному предусмотрены три «эпистемологические призмы»:

- интеллектуальные системы, предопределяющие способ распределения между дисциплинами центров интереса и проблемы, исторически сложившийся в рамках той или иной национальной лингвистической традиции;

- теоретическая парадигма, в рамках которой разрабатывается лингвистическая теория, – этап, который описывается исторически как доминирование той или иной проблематики в определенную историческую эпоху, определяющий также методы анализа, присущие тому или иному этапу эволюции лингвистического знания;

- призма вариативности, ориентирующая теорию с позиций «угла зрения» на проблему, направления исследования, преимущественного уровня языковой системы, на котором проводится исследование.

Названная модель позволила Н.П. Анисимовой проследить постепенный переход от парадигмы рациональной грамматики к сравнительно-историческому языкознанию, а затем к структурализму во французской лингвистике [Анисимова 2002]. Подобный анализ предпринимается автором диссертации впервые в отношении российской лингвистической традиции.

Во второй главе «Российская лингвистика на рубеже XX века» дается общая характеристика положения дел в российском языкознании на протяжении XIX века до начала XX века, выявляются основные характеристики существующих направлений с тем, чтобы определить особенности российской лингвистической традиции в период становления теоретического языкознания в России, формирования сравнительно-исторического языкознания и перехода от сравнительно-исторической парадигмы к структурализму.

Идеи всеобщей грамматики, господствовавшие на протяжении XVIII века в Европе, нашли свое отражение в трудах российских лингвистов начала XIX века. Весь XIX век в истории российской лингвистической мысли можно считать этапом становления новой парадигмы – сравнительно-исторической. В российском языкознании на протяжении XIX века следует отметить сосуществование двух направлений: логического (отражение идеи всеобщей рациональной грамматики XVIII века в трудах лингвистов) и сравнительно-исторического (эта парадигма только зарождается). Представители логического направления продолжают традиции универсальной всеобщей грамматики, обращаясь уже к таким теоретическим проблемам языкознания, как рассмотрение языка с исторической и статической (философской) точек зрения, указание на социальную природу языка (Н.И. Греч), впервые язык объясняется через определение знака и создается учение о знаках (Л.Г. Якоб). В этот

период в российском языкознании были поставлены вопросы, непосредственно входящие в проблематику общего языкознания. Российские языковеды, оставаясь в целом верны идеям рационалистической и логической философии языка начала XIX века, постепенно отходят от обычного отождествления логических и грамматических категорий. Российские ученые вводят понятие исторического развития языка, дают хронологию отдельных этапов его развития, определяют круг родственных языков. Все это закладывало твердые основы для создания сравнительно-исторического языкознания.

В диссертации центры интереса российской лингвистики данного периода обозначены в соответствии с системой эпистемологических координат. Для русской лингвистики XIX века традиционные центры интереса рациональной грамматики (*язык – мир, язык – мышление, внутренняя организация языка, язык как знаковая система, языковые универсалии*) дополняются новыми, характерными для сравнительно-исторической парадигмы: *происхождение языка, эволюция языка, язык – общество*. Это позволяет сделать вывод о том, что в этот период для русской лингвистической традиции характерна тенденция к расширению поля исследований, что позволяет осуществить постепенный переход к новой научной парадигме. Данная тенденция представлена в табл. 1.

Таблица 1

	Рациональная грамматика	Новые центры интереса, характерные для сравнительно-исторического подхода
Центры интереса российской лингвистики первой половины XIX века	<ul style="list-style-type: none"> • язык – мир • язык – мышление • внутренняя организация языка • язык как знаковая система • языковые универсалии 	<ul style="list-style-type: none"> • эволюция языка • происхождение языка • язык и общество

Российская лингвистическая традиция на рубеже XX века была представлена тремя основными языковедческими школами: Харьковской лингвистической школой (А.А. Потебня), лингвистической школой Московского университета (Ф.Ф. Фортунатов) и направлении исследований, восходящем к идеям И.А. Бодуэна де Куртене (Казанский и Санкт-Петербургский университеты). В параграфах 2.2 – 2.4 главы второй выявлены основные характеристики названных направлений, а также определена специфика развития российской лингвистической традиции начала XX века, которая заключается в следующем:

- исходя из различения двух фаз в эволюции научной парадигмы [Анисимова 2002], можно констатировать, что российское языкознание на рубеже XX столетия развивается в рамках господствующей в эту эпоху парадигмы – сравнительно-исторического языкознания, представленной в своей «улучшенной» модели (Ф.Ф. Фортунатов) или вступившей в период «истощения» (А.А. Потебня);

- ведущие лингвисты этого периода творчески перерабатывают теоретические положения немецких компаративистов, отказываясь от «археологического» подхода и обращаясь к фактам живого народного языка, проявляя повышенное внимание к разработке вопроса о роли индивидуального языкового мышления;

- существующая сравнительно-историческая парадигма обогащается новыми центрами интереса: *язык – общество, язык – коммуникация, язык как знаковая система, языковые универсалии*, характерными для новых парадигм и направлений, получившие свое развитие в XX веке (см. рис.1);

- в методологическом плане происходит постепенный переход от сравнительно-исторического метода (А.А. Потебня) через признание сосуществования диахронии и синхронии (Ф.Ф. Фортунатов) к преимущественно синхроническому методу (И.А. Бодуэн де Куртене).

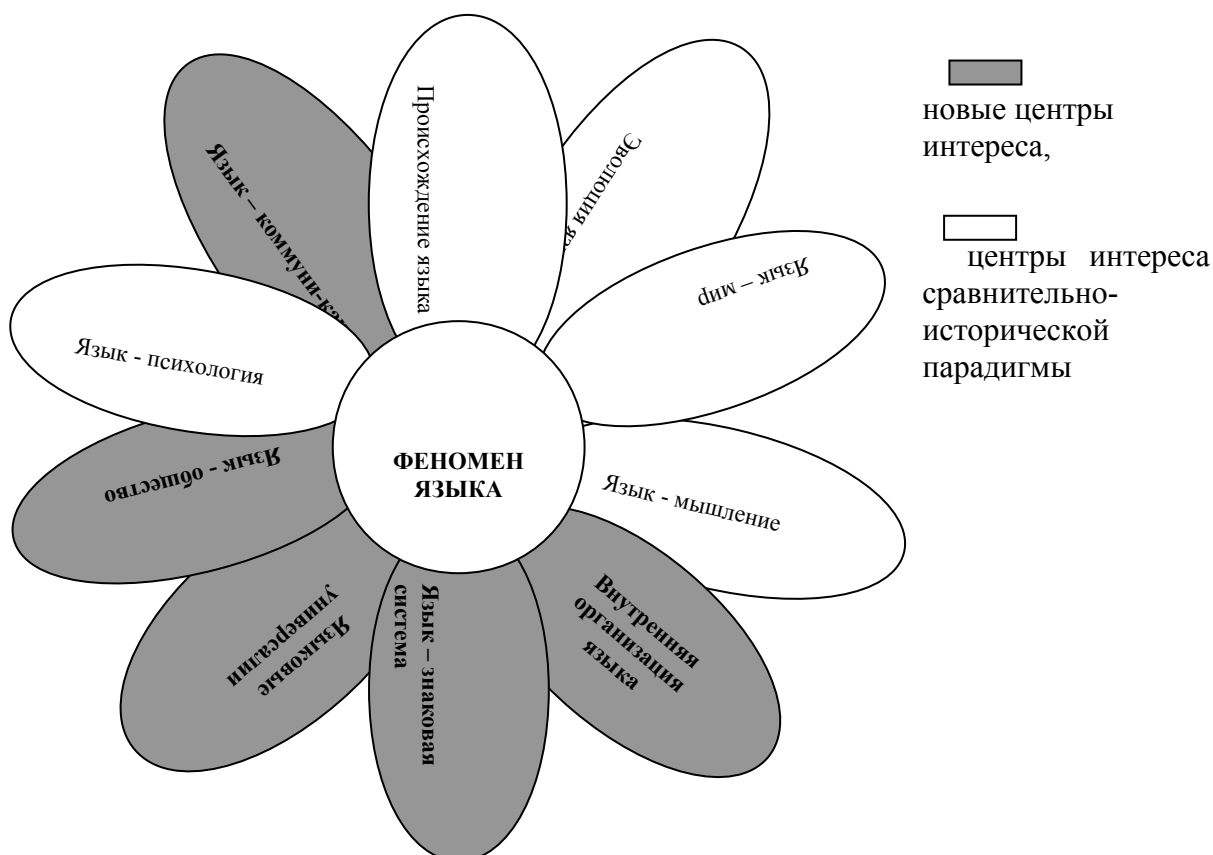

Рис. 1

В главе третьей «Марризм и роль идеологии в российской лингвистике первой половины XX века» предпринимается попытка проанализировать роль идеологического фактора в эволюции отечественной лингвистической мысли в первые десятилетия после Октябрьской революции.

По отношению к общим направлениям развития мировой лингвистической мысли следует отметить, что в данный период русское языкознание, представленное рядом блестящих лингвистических школ, находится на переходном этапе от сравнительно-исторического языкознания к структурализму. «Новое учение о языке» Н.Я. Марра становится единственной лингвистической доктриной, официально признанной политически и идеологически корректной в советской лингвистике того периода. Ее можно рассматривать как один из типов реакции ученых-языковедов на Октябрьскую революцию, а именно, использование идеологии в своих собственных целях, чтобы навязать абсолютно нереальную теорию, что приводит к невозможности «нормального» развития лингвистической традиции в рамках сравнительно-исторических исследований.

По отношению к центрам интереса «эпистемологической ромашки» можно увидеть, что теоретические вопросы, к которым обращается лингвистическая модель Н.Я. Марра, (*происхождение языка, развитие языка, соотношение языка и мышления*), трактуются в свете проблемы *соотношения языка и общества*, которая получает в этой теории господствующее положение. Провозглашение языка как идеологической надстройки и исключительно классового феномена приводит к тому, что этот центр интереса подменяет собой призму теоретической парадигмы в ее «усиленном» варианте: он накладывает табу на исследование других проблематик и искажает изучение тех, которые входят в орбиту данной теоретической модели (см. рис.2). Естественный ход развития лингвистических идей нарушается. Если роль теоретической парадигмы состоит в *возможности выбора* центров интереса и методов их изучения («дух времени»), то идеологически окрашенная парадигма *обязывает* исследовать их в жестко определенных рамках. Ученики Н.Я. Марра (в частности И.И. Мещанинов) попытались приблизить его учение к общему пути развития лингвистических идей, но идеология часто служила инструментом борьбы с оппонентами.

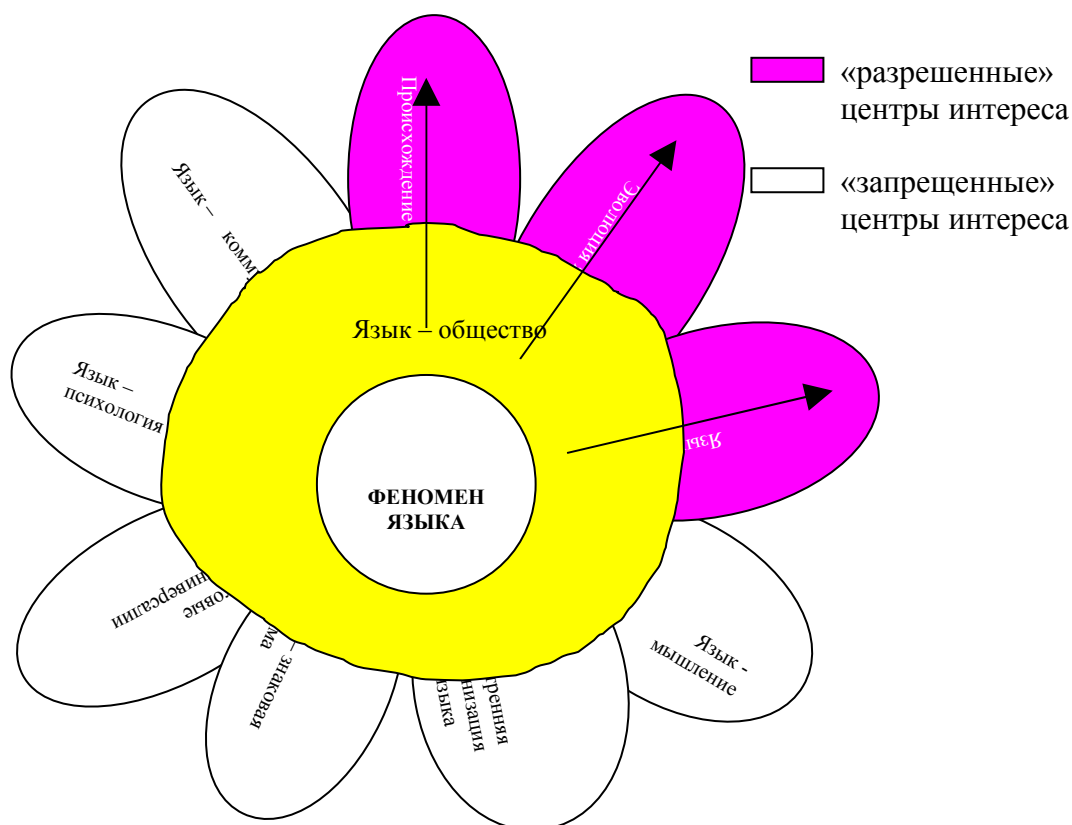

Рис. 2

Лингвистические дискуссии этого периода часто перерастали в идеологические споры. В результате этой идеологической борьбы марксистско-ленинская философия становится основой лингвистической теории в Советском Союзе.

Несмотря на длительное господство нереалистичной модели Н.Я. Марра и неизбежные при этом теоретические потери, а также ограничения, связанные с доминированием одной философской доктрины, идеи основных лингвистических школ и направлений начала XX века продолжали развиваться.

В четвертой главе «Развитие идей российской национальной традиции в советский период» анализируются работы выдающихся русских лингвистов послереволюционного периода И.И. Мещанинова, А.М. Пешковского, Е.Д. Поливанова, Л.В. Щербы, Н.Ф. Яковлева, Г.О. Винокура. Работы этих ученых сформировали основные черты советского теоретического языкознания, а именно: интерес к проблематике социологии языка, его типологии, внимание к содержательной стороне языка, стремление к изучению динамики языковых процессов, выявлению внутрисистемных языковых связей, изучение истории языка в связи с историей народа, говорящего на данном языке и т.п.

Для советской лингвистики постмарристского периода характерно четкое различие идеологии и лингвистической теории как таковой, что позволяет сделать вывод о том, что идеологический фактор не повлиял на эволюцию собственно лингвистических идей, и таким образом, российское

советское языкознание продолжало развиваться как самостоятельная научная дисциплина.

Более того, советская лингвистика к середине XX века несмотря ни на что сохранила истоки национальной русской лингвистической традиции, продолжая изучать такие вопросы, как происхождение и эволюция языка, связь языка с психологией, т.е. вопросы, свойственные сравнительно-исторической парадигме.

Сохранив самобытную российскую традицию в области изучения языка, наши ученые не только не отставали от развития мировой науки, но в некоторых вопросах даже опережали своих западных коллег. Был внесен вклад в системное описание русского синтаксиса (А.М. Пешковский), снято противоречие между синхронией и диахронией, разработаны вопросы языковой политики (Е.Д. Поливанов), заложены основы будущего развития психолингвистики и генеративной лингвистики (Л.В. Щерба), разработана систематическая фонологическая теория (Н.Ф. Яковлев), введено понятие системной диахронии (Г.О. Винокур).

В ходе исследования мы пришли к выводу о том, что с одной стороны российская лингвистическая традиция следует основному ходу эволюции мировой лингвистической мысли, а с другой – история отечественной лингвистики, имея отличные от других национальных традиций условия развития, представляет собой довольно сложный результат взаимодействия традиций исторического языкознания и новых тенденций в языкознании XX века (см. рис.3).

Анализ ряда работ [Винокур 1959; Пешковский 1930; Поливанов 1968; Щерба 1974; Яковлев 1938] убеждает нас в том, что в рамках сравнительно-исторических исследований, продолжавшихся в структуралистский период, начавшийся с 20-х годов XX в., были сохранены основные позиции данной парадигмы в изучении истории индоевропейских языков, а также языков других языковых семей. Принципы, примененные на индоевропейском материале, были перенесены на изучение тюркской, финно-угорской, семитской и других языковых групп. Общий прогресс в лингвистической теории и возникновение разнообразных методов изучения языка нашли отражение и в сравнительно-историческом языкознании, которое к тому времени использовало не только сравнительно-исторический метод. К нему присоединились методы лингвистической географии, приведшие к возникновению ареального языкознания, лингвистическая реконструкция (восстановление наиболее древнего облика слов и форм, общих для родственных языков), а также применение в изучении праязыков достижений современной фонологии, которая в огромной степени опирается на системные отношения, существующие в фонологических системах.

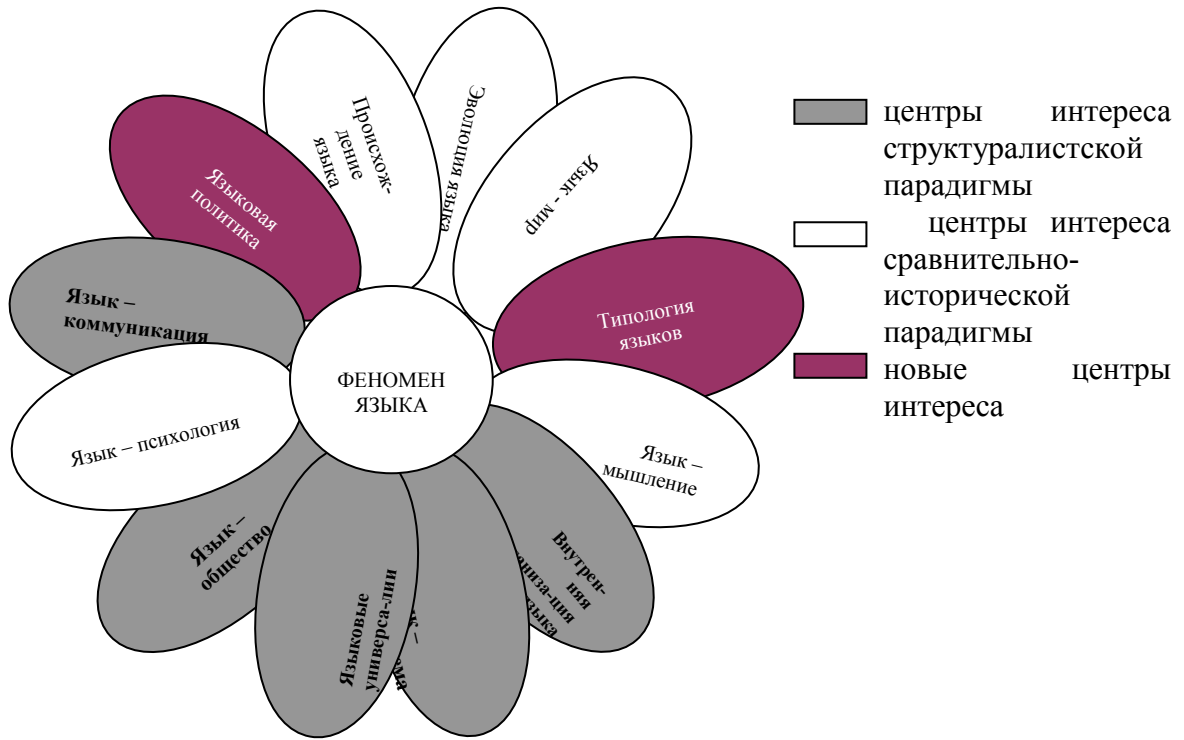

Рис.3

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

А. Публикация в рецензируемом издании.

1. Осипова О.В. Особенности перехода от сравнительно-исторической парадигмы к структурализму в российской лингвистике // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – №1. – С.101–104.

Б. Другие публикации.

2. Осипова О.В. Сопоставительный анализ функционирования инфинитивных конструкций в языках аналитического и синтетического типа // IV Степановские чтения. Функционирование языковых единиц в аспекте национально-культурной специфики. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – С.144–146.

3. Осипова О.В. Статика и динамика языка: концепции российских лингвистов // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. – Вып. 1. – С.76–83.

4. Осипова О.В. Взаимоотношение языка и мышления: эволюция взглядов от Радищева до Богородицкого // Фундаментальные и прикладные исследования в системе образования. Материалы II-ой международной научно-практической конференции. – Тамбов: Тамбов. гос. ун-т, 2004. – С.173–175.

5. Осипова О.В. Советская компаративистика: задачи и решения // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. – Вып. 2. – С.187–192.

6. Осипова О.В. Советское языкознание 20-30-х годов: французское влияние? // Языковой дискурс в социальной практике. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2006. – С.210–216.

7. Осипова О.В. Роль идеологии в российской лингвистике начала XX века // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2006. – Вып. 4. – С.209–215.

8. Осипова О.В. Марризм как идеологический миф // Вестник Тверского государственного университета. – 2006. – №3 [20]. – Серия «Филология». – Вып. 6. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С.61–68.